

В.М. Хомич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, профессор кафедры уголовного права и криминологии Академии МВД Республики Беларусь

БЕЗУСПЕШНЫЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВИНЫ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Эта статья – естественная реакция вибрирующей, отягощенной интеллектуальными соображениями души (угрызениями совести), на один из очерков доктора юридических наук, профессора В.П. Шиенка «Методологический анализ категории «вина» в современной юриспруденции» [1]. Автор очерка с первых страниц (вместо анализа категории вины, ее сущности и обоснования в современной юриспруденции) обрушивается с критикой на психологическую концепцию вины, ее обоснование, феномено-правовую конструкцию ее описания и закрепления в законе. Обоснованием критического выпада и последующего методологического повествования о категории «вина» объявляется тезис, что вопрос о сущности вины «был и продолжает оставаться остро актуальным как в советской, так и в современной белорусской юриспруденции». Причины этого В.П. Шиенок объясняет весьма пространно и как будто бы с серьезными намерениями разобраться: почему доселе происходит такое безобразие в науке уголовного права и на практике? Как можно терпеть такие душевные страдания науки уголовного права? Ведь категория вины является краеугольным камнем института юридической ответственности; через этот термин выражается взаимосвязь субъективного и объективного, индивидуального и социального, особенного и типичного в юридической науке и практике. Наконец, вина – специфический социальный критерий справедливости юридической ответственности в общественном и индивидуальном сознании [1, с. 138].

Конечно, набор теоретических заключений, вызывающих необходимость пересмотра понимания категории «вина», является надуманным и далеко не безошибочным.

Начнем с того, что вопрос о сущности и социальном обосновании вины в строго научном и методологическом контексте автором вообще не рассматривается. В этом, дескать, нет необходимости по той простой причине, что белорусский ученый И.О. Грунтов [2, с. 6–34] весьма подробно (?) проанализировал позиции законодателя, точки зрения на

сущность вины в теории уголовного права, показал ее основные концепции, их исторические взаимосвязи и «географию» приоритетного распространения. Поэтому, следуя установке и позиции И.О. Грунтова, автор методологического повествования о вине просто воспроизводит три основные концепции вины (теория опасного состояния, оценочная концепция вины, психологическая теория вины) – правда, заранее делая очень важное заключение, что это «разноплановые как по существу вопроса, так и по методике исследования концепции» [1, с. 138]. Вот именно – разные по существу вопроса и обоснованию вины концепции (теории)!

Со всей определенностью заявляю, что в отечественной (национальной) и зарубежной доктринах уголовного права (классической и постклассической) сущность и обоснование вины всегда определялись и определяются на основе психологической природы вины. Точнее, с одной стороны, на социальных компонентах состоянии психики человека и их инвариантности – способности порождать или быть причиной отклонений поведения человека от требуемых социальных стандартов, а с другой, – на психологической возможности не допускать таких отклонений.

Психологическая концепция вины исходит из сложной биосоциальной природы человека. Суть концепции в том, что она обращена не к человеку как огромному насекомому с присущей ему рефлекторно импульсивной психикой, а к психике человека как разумного творения, обладающего интеллектуально воспроизводящим (формирующим) и интеллектуально преобразующим сознанием, которое влияет на физическую и социальную реальность, в том числе и на его собственное существование.

Сущность и обоснование вины в рамках психологической концепции усматриваются в особых свойствах и способностях психики человека – наличии механизма психологической мотивации выбора и управления своим поведением с учетом личностной свободы действовать по своему усмотрению. При этом психологический процесс выбора рассматривается с позиции не механического отражения окружающей действительности (здесь перепаханное мокрое, поле и чтобы не застудить ноги, лучше идти по дороге), т. е. не с позиции исключительно сохранения себя как биологического существа, а социального отражения – способности человека в условиях осознаваемой личной свободы осознанно принимать решение и действовать желаемо, чтобы обеспечивать социальную безопасность, и собственную, и других людей, а также иных ценностей и объектов социальной инфраструктуры. Таким образом, категория «вина» есть особое психологическое состояние человека, обусловленное его

неправильным (асоциальным) поведенческим выбором при наличии свободной возможности сделать и осуществить правильный поведенческий выбор. Это упречное психологическое состояние человека и есть психологический момент вины независимо от того, проявляет конкретный человек, совершивший плохой поступок, чувство вины, мучается он угрызениями совести или нет – до, или во время, или после совершения правонарушающего деяния.

Правовые компоненты такого упречно психологического обоснования вины были заложены еще в «Русской правде», различавшей злоумышленность как учинение вреда – «пакощами», «пакостидея». При этом злоумышленность (как вина) будет независимо от того, считал ли деятель таковыми свои «дея». Важно, чтобы власть организовала общественное спокойствие ради поддержания порядка в государстве и обществе.

Для наличия вины, писал Н.С. Таганцев, «юридическое значение может иметь только ссылка на неведение требований права, а не ссылка на неразумность этих требований. Лицо, заявляющее, что оно не признает существующего правового порядка, не признает закона и его требования, не может быть освобождено от ответственности на основании подобной ссылки», в том числе в связи с неумышленностью совершенного преступного деяния [3, с. 464].

А вот так народное разумение объясняет принцип виновного вменения: *«Там, дзе жаданне здзяйснення пераважае розум выбара ўдапаведнаці з агульнымі патрабаваннямі, ёсць віна».*

Здесь мы имеем дело с рациональностью выбора как элементом проявления социальной ответственности личности перед собственной свободой и требованиями общественной необходимости. В своем содержательном и функциональном состоянии социальная ответственность на личностном уровне всегда позитивна, поскольку это ожидаемая презумпция должного поведения социализированного индивида в соответствии с общественными требованиями социума, в том числе предусмотренными нормами объективного права. Позитив социальной ответственности, реализуемой исключительно на личностном уровне, состоит в том, что в ней аккумулируется потенциал разумного человека как социального индивида, способного в едином комплексе в условиях естественной свободы воспринимать одновременно общественные и правовые требования как социальную необходимость для своего безопасного существования в обществе.

Механизм социальной ответственности заложен в самом человеке и реализуется в ходе его сложного психологического взаимодействия с социальным окружением с потенциальной ориентацией на самоопре-

деление в условиях свободы. Это своего рода социальная презумпция неопровергаемого основания для свободного бытия человека в обществе, что и не исключает возможность формирования и проявления психологически упречного стандарта поведения¹.

В социально-правовом отношении категория «вина» отражает, призвана зафиксировать, прежде всего момент, характер и содержание упрека, а затем по возможности глубину и степень соответствующего упрека. Осуществляется фиксация этого упрека посредством установления психического отношения человека не вообще к обществу, государству, важнейшим базовым институтам и ценностям социального мироустройства, а к тому совершенному человеком деянию, которое является социально вредоносным (правонарушающим) деянием. Таким образом, вина как феномен социальной реальности и субъективное основание ретроспективной ответственности в ракурсе психологической концепции появляется только тогда, когда, во-первых, имело место правонарушающее деяние; во-вторых, когда лицо в этом деянии

¹ Социальная ответственность инвариантна и вместе с тем едина в ее внутреннем (личностном) и внешнем (институциональном) состоянии; имеет двухуровневую систему реализации и обеспечения, что гарантирует ее функциональную завершенность, реальность бытия и эффективность. Внутреннее состояние социальной ответственности, заключающееся в способности к позитивной саморегуляции внутренней свободы, исключает безответственность поступка, следовательно, и ретроспективную ответственность, наступление которой нежелательно прежде всего для самого субъекта социальной ответственности.

Социальная ответственность связана как со свободой, так и с общественной необходимостью, однако не сводится ни к свободе, ни к необходимости, она – результат (момент) их взаимодействия. При этом следует учитывать, что ответственность тесно связана с феноменом внутренней свободы человека: взаимодействуют именно личностная свобода каждого из нас со свободой как осознанной необходимостью. Хотя внутренняя свобода и находится под воздействием социальной среды (общественной необходимости или допускаемой обществом свободы), формируется ею, она создается самим человеком, контролируется и определяется им и всегда остается относительно автономной системой по отношению к праву.

Практика общественной жизни подтверждает, что люди, находясь в одних и тех же объективных условиях, в одной и той же ситуации и получая одну и ту же информацию, по-разному реагируют на нее, принимают различные поведенческие решения, порой диаметрально противоположные, проявляя тем самым внутреннюю свободу выбора. Иными словами, человек не безвольное существо в мире общественной необходимости, которую он познал. Личностная свобода человека, базирующаяся на системе внутренней мотивации, играет очень важную роль в детерминации выбора. Мир личностной свободы в каждом человеке субъективно автономен. На него можно воздействовать, повышать степень его социализированности, но управлять непосредственно – никогда. В целом социальная ответственность на личностном уровне ее реализации и есть тот инструментарий, который изначально находится в самом человеке и который служит переводу внутреннего мира свободной мотивации на должное поведение.

проявило или имело возможность проявить сознание как результат деяния правонарушающего (социально небезопасного); в-третьих, это деяние состояло в определенном соотношении, контролируемом самим человеком, его и сознания (психическая работа); в-четвертых, хотением или волей того, что составляет суть правонарушения деяния.

Давно доказано, что соотношение между хотением (или волей) и правонарушающим деянием может варьироваться от преднамеренно осознаваемого желания его совершить до нежелания совершать его вследствие непредвидения в момент его совершения правонарушающих свойств этого деяния. Все эти оттенки виновности, основанной на сознательном выборе и воле, наука уголовного права давно свела к двум типам или формам вины – умыслу и неосторожности. Именно такое легальное определение вины дано в ст. 25 УК Беларуси (и не только в национальном уголовном законе).

Да, психологическая концепция вины является повсеместно господствующей в науке уголовного права, и самое важное – пока единственной, пригодной для практического применения в юриспруденции. Между тем методолог национальной юриспруденции В.П. Шиенок утверждает, что живучесть такого подхода в науке уголовного права обусловлена тем, что традиционно большинство белорусских ученых-правоведов *предпочитают ориентироваться на позицию законодателя* [1, с. 139]. А на что ориентироваться? На душу, ее вибрацию, да еще с закрытыми глазами и в плохую погоду, и ждать, пока душа соединится с телом, а потом и с интеллектом?

Дело здесь не в законодателе и не том, как он определяет вину в уголовном законе. Уголовно-правовая доктрина, законодательство и правоприменительная практика *абсолютного большинства государств* в установлении вины исходят из ее концептуально психологической природы. Это никем не оспаривается в уголовно-правовой науке. Да, законодатели по-разному, с неодинаковой степенью полноты и определенности дают описание вины (ее форм и видов). Это происходит потому, что вина в психологическом определении – более социальная категория, чем правовая. Вообще право с позиции принципа онтологического релятивизма – «это социальное явление, обусловленное взаимодействиями с другими социальными феноменами, вне и без которых право не существует»; оно, «как и любой социальный институт, многогранно, многоаспектно существует в социальном мире в виде взаимодействий людей. В этих интеракциях всегда сосуществуют психика (психические феномены) [4, с. 74]. Учитывая эту особенность, законодатель часто ограничивается указанием лишь на формы вины – умысел

и неосторожность (см. § 15–17 УК Германии). Наоборот, в УК далекого Таиланда (ст. 59) описание умышленной и неосторожной вины более развернутое.

Нет никаких оснований что-то менять в методологии уголовно-правовой юриспруденции. Если подходить к рассматриваемой проблеме строго научно, то развитие и обновление правовых систем постсоветских государств за последние тридцать лет подтвердили в индивидуальном и общественном сознании психологическую устойчивость данной концепции, ее гуманистическую *исходную сущность*, в центре которой – разумный человек¹.

Что же не нравится В.П. Шиенку в определении вины (ст. 21 УК Республики Беларусь), основанном на психологической концепции, разработанной наукой уголовного права? Оказывается, оно «мало что дает для понимания сущности и содержания данной категории. Иными словами, указанная норма требует многословных, непростых комментариев, так как вызывает массу вопросов не только у непрофессионалов, но и у профессиональных юристов. Основная причина такого положения – использование законодателем, а также учеными – сторонниками психологического подхода ряда строго не определенных, не юридических дискуссионных терминов и положений» из современной психологии, в которой также отсутствует единая методология.

По мнению автора очерка, если термин «психическое отношение» имеет смысл только применительно к человеку (физическому лицу), то его вряд ли уместно применять к юридическому лицу (например, психическое отношение какого-нибудь унитарного предприятия к содеянному). «Однако применительно к вине юридического лица КоАП предлагает принципиально иной подход. В связи с этим возникают серьез-

¹ Проблема заключается в том, насколько всесторонне и глубоко в рамках психологической модели вины устанавливается степень виновности правоприменительной практикой в качестве субъективного основания ответственности и ее виновной дифференциации. Здесь действительно есть серьезные претензии как к законодателю в контексте формирования запрета упречного правового поля без учета социальной ориентации человека на свободу в выборе *социально-правовой рациональности и оправданности своего поведения*, а равно и к правоприменителю, который, к сожалению, механистично определяет виновность лица, исходя из абсолютной неопровержимости законодательного запрета и невозможности смягчения (уменьшения степени) виновности. Что касается уголовно-правовой доктрины, то она никогда не оставляла без внимания указанные проблемы и предлагала конструктивные гуманистические технологии определения виновности с позиции поиска и учета мотивации оправдания, распределения степени виновности между человеком и социальными институтами. Это подтверждает оценочная теория (точнее, систематика) определения степени виновности, которая дополняет и развивает психологическую концепцию в определении вины и установлении объема виновности.

ные методологические противоречия, устранение которых лежит за рамками предметов отраслевых юридических наук¹.

На этом основании делается заключение, что «существующая «психологическая» концепция вины и соответствующие ей нормы уголовного закона изначально не имеют стабильных методологических, в первую очередь мировоззренческих основ». Разрешение методологических и мировоззренческих противоречий по выявленным «проблемам» вины автор видит в определении «хотя бы одного» положения (из содержания вины), которое было бы общим для всех ее концепций, существующих ныне [1, с. 140–141].

Действительно, в центре всех трех, по мнению В.П. Шиенка, концепций вины находится человек. Иначе быть и не может. Это естественно. Однако отметим, что теория опасного состояния не имеет какого-либо отношения к вине, она ее отрицает. Об этом сказано давно, и нет необходимости на этом останавливаться. Самое интересное в методологическом повествовании замучено в том, что весь ход авторских рассуждений о собственной гуманистической методологии в юриспруденции вообще нивелирует принцип вины и необходимость ее установления.

В качестве основной гипотезы по проблеме вины автор предлагает рассматривать человека не как разумно-социализированного субъекта социальной ответственности, а через единение души и тела. Вот так, и не иначе! Тело не может существовать без души, а душа не может быть материализованной без тела [1, с. 142]. Такой подход к пониманию сути человека, по мнению автора, был абсолютно естественным вплоть до середины XIX в. Впоследствии в силу бурного развития промышленности и соответствующих технологий ученые (думаю, не только ученые, а сами «человеки») сконцентрировались на материальной стороне существования, оставив духовность на усмотрение религии. *Почему только религии?* Добавлю, и на усмотрение психологической концепции понимания и интерпретации вины. Психологическая кон-

¹ Во-первых, КоАП применительно к публично-правовой ответственности юридического лица не предлагает и не может предлагать иного подхода к определению вины юридического лица, кроме как основанного на психологической природе вины, т. е. вины человека как полномочного и деятельного представителя юридического лица. Во-вторых, в правовом смысле термин «юридическое лицо» – это юридическая фикция, обозначающая то, что соответствующая деятельность осуществляется коллективным образованием людей. Посредством установления их виновности констатируется и вина юридического лица как субъективное основание ответственности как физического лица, так и представляемого им юридического лица. Такая совмещенная ответственность в публичных правонарушениях допустима лишь тогда, когда *правонарушающее деяние* физического лица в общем или конкретно по технологии организации или управления осуществляется через деятельность юридического лица (экологические, налоговые правонарушения и т. п.).

цепция вины никогда не отрицала факта учета (оценки) души (душевного состояния человека во всех оттенках ее проявления) при выборе и реализации правонарушающего деяния.

Говоря о психическом отношении (вине) с позиций конкретного индивида, автор рассматривает его как реакцию (отношения) души в виде тех или иных вибраций, эмоций, мыслей, действий на деяния тела (имеется в виду своего тела), «которое в той или иной мере знакомо каждому человеку как угрызение совести». Именно так видится автору базовый методологический уровень вины применительно к конкретному человеку: «В силу сказанного, а также по иным основаниям позиции сторонников психологической школы вины видятся автору уязвимыми и непродуктивными. Для того чтобы установить вину, орган уголовного преследования, суд должны установить, что происходило в душе у человека на момент совершения уголовно-наказуемого деяния, каково было его психическое отношение. Реально ли это не только для указанных субъектов, но и вообще для кого бы то ни было? Возможность такой ретроспекции на существующем уровне развития науки и техники представляется не более чем смелой научно-популярной фантастикой. В таком случае правомерно ли говорить о вине как основании уголовной ответственности с позиций действующего уголовного закона? Думаю, нет» [1, с. 144].

Позвольте, но это уже *из области теории опасного состояния и ориентации на ее применение*, а не конструктивистское разрешение методологических основ проблемы определения вины и степени виновности человека. Повторю базовое методологическое положение автора о сути виновности человека: «*Тело не может существовать без души, а душа не может быть материализованной без тела*» [1, с. 142]. Если установить вину (ее уровень), т. е. то, что происходило в душе у человека на момент совершения уголовно-наказуемого деяния (каково было его реальное психическое отношение к правонарушающему деянию), невозможно, то, по мнению автора очерка, в качестве субъективного основания уголовной ответственности, напрашивается один путь решения – лишить эту грешную душу тела. Это давно известное *нет человека – нет проблемы вины. Это уже более чем смелая научно-популярная фантастика.*

Ничего не изменяет и не проясняет оговорка автора, что здесь важно, чтобы любая реакция души всегда должна быть связана с оценкой ситуации, другого человека, предмета, процесса, иных объектов на основе осознаваемого или *неосознаваемого сравнения* того или иного объекта с эталонными критериями, которыми руководствуется человек [1, с. 142]. Но ведь это хотя и не объективированное, но социально

рискованное психологическое отношение человека к объектам социального окружения. Здесь вообще ничего не ясно: в чем момент вины и в чем она заключается; как должны оцениваться правоприменителем вина и степень виновности в разрезе душевных колебаний человека. Самое главное, требуется ли для констатации вины наличие правонарушающего деяния, или достаточно только внутренней реакции души (ее вибрации) на социальное окружение на основе внутреннего сравнения с эталонными критериями поведения человека? Так, каждый человек неоднократно наблюдал (при этом с открытыми глазами с открытой душой), как другие люди поступали нехорошо (сравнительно с эталонными критериями). Душа не просто вибрировала, она клочкотала, заливалась кровью, и только «плохая погода» парализовала мою волю сделать греховное в отношении этих людей. Так есть здесь момент проявления вины или нет? Ведь психологическая реакция человека на социальные раздражители здесь очевидна. В ней заключен и криминальный риск. Собственно, в этом смысле сторонники теории опасного состояния не ждут факта (процесса) виновного совершения правонарушающего деяния, а принимают меры к его недопущению. Каким образом это делать – это уже другой вопрос.

Есть еще одно недоразумение. Автор настолько увлекся глубинными методологическими вибрационными играми с душой, что предполагает возможность виновной оценки правонарушающего деяния человека и в случае реакции души, которая связана с оценкой ситуации, другого человека, предмета, процесса, иных объектов на основе *неосознаваемого сравнения* того или иного объекта с эталонными критериями, которыми руководствуется человек.

С этим связаны дальнейшие заключения, ставящие, по мнению автора, под сомнение обоснованность положений психологической школы. В их основе лежит неудовлетворенность автора так называемым интеллектуально-волевым моментом, связанным с осознанием (добавлю, с возможностью осознания) человеком своих правонарушающих действий, а также с желанием их совершения, в том числе при неосознании правонарушающих свойств данного деяния. Ключевое слово – «осознание». Оно ему почему-то не нравится. В.П. Шиенок усматривает противоречие в том, что «интеллект как бы предшествует сознанию, является родовым понятием по отношению к нему либо его синонимом». Исследует объяснение: «Дело в том, что интеллект и сознание – тесно связанные между собой, но далеко не идентичные явления. Именно сознание как способность к отражению является врожденным человеческим качеством, в то время как интеллект приобретенным» [1, с. 145].

Возникает вопрос, чем же отличается врожденная психика животного, которая также способна к отражению, от психики человека. Думается, что психика человека изначально, с рождения, *интеллектуально социализирована*, т. е. способна не просто отражать внешние объекты как механические препятствия для своего существования, но и оценивать их с позиции добра и зла (совести). Вот почему «маленькие дети прекрасно знают, когда они поступают плохо, а когда нет». По мере социализации интеллектуально значимый объем интериоризованной информации расширяется; повышается уровень осознания того, что хорошо и полезно не только для себя, но и для окружающих; укрепляется возможность не механического, а осознаваемого свободного поведения с учетом понимания границ между добром и злом. В этом заключается суть обоснования вины согласно психологической концепции. Вина исключается, если у человека отсутствует возможность интеллектуально осознанного выбора поведения (с учетом зла и добра) или она недостаточна. Для этих целей в законодательстве используется институт вменяемости как психологическая предпосылка вины (психическая невменяемость, возрастная невменяемость), а также предусматривается возможность смягчения вины при иных расстройствах психического состояния, в том числе учитывая позитивные душевные качества человека.

Поэтому невозможно согласиться с тем, что в рамках психологической природы и содержания вины «говорить об осознании (сознании) как о некоем сугубо интеллектуальном процессе не вполне обоснованно» [1, с. 145]. Скорее всего, автору не следовало так категорично отказать от сознания как сугубо интеллектуального процесса ни при объяснении вины, ни при выстраивании гуманистической методологии ее понимания. Все-таки речь идет о науке, о научном познании.

Да, сегодня наблюдается определенное несоответствие содержания юридических наук и юридического образования потребностям субъектов правореализационной, правоприменительной и правотворческой деятельности. Для преодоления такого положения С.Ю. Филиппова разрабатывает, в частности, инструментальную концепцию юриспруденции, которая подразумевает исследование как собственно правовых, так и социальных (социально-правовых) явлений с позиции их целесообразности, функциональной пригодности для использования в процессе правовой деятельности людей для достижения ими собственных правовых целей [5, с. 28–31].

К сожалению, даже с конструктивистских позиций, основанных на критике положений классической юриспруденции, упомянутая гуманистическая методология юриспруденции не привносит ничего нового,

потому что она выстраивается не на принципе дополнения состоявшегося знания о социально-правовых реалиях, а на отрицании всего и вся, что было достигнуто юридической наукой в рамках той или иной методологической концепции. При таком подходе трудно создать что-то новое в науке, опираясь к тому же только на «человеческую душу как самостоятельную субстанцию, лежащую в основе индивидуального бытия человека» [1, с. 38]. По мнению И.Л. Честнова, важно не просто зафиксировать новый – конструктивистский – подход к пониманию права, смысла и назначения правового регулирования, но и показать, как все это функционирует [4, с. 74–75].

Чтобы каким-то образом смягчить неудачу своих притязаний, доказать методологическую и практическую несостоятельность психологической концепции вины, автор заключает, что «в контексте сказанного оценочная концепция вины представляется ему более предпочтительной для объяснения механизма внутренней реакции человека на совершенное им деяние [1, с. 143].

В этой связи позволим сделать некоторые пояснения относительно оценочной теории вины, поскольку В.П. Шиенок, как и его единомышленник И.О. Грунтов, искажают суть этой *теории*. Именно «оценочная теория вины», – а не концепция, так как указанная теория формировалась, разрабатывалась и применяется не в противовес психологической концепции вины, а в ее развитие и дополнение, – всецело основывается на идее о том, что вина имеет психологическую природу и соответствующее содержание. Цель оценочной теории вины не выявление форм вины или создание некоего нового основания уголовной ответственности, а индивидуализация объема (определение индивидуальной, сугубо личностной степени) виновности человека в рамках двух форм вины, а следовательно, и субъективного основания уголовной ответственности в рамках психологического содержания вины. Поэтому лишено какого-либо смысла (даже логического) указывать, что согласно оценочной теории вина является родовым понятием по отношению к умыслу и неосторожности. Далее содержание, смысл и назначение оценочной теории вины раскрывается автором и его единомышленником не совсем правильно. Утверждается, что суть оценочной теории вины «заключается в упреке суда по отношению к поведению подсудимого и его негативной оценке с позиций норм уголовного закона». Во-первых, оценочная теория вины ориентирует правоприменителя не просто упрекать человека за совершение правонарушающего деяния, а упрекать дифференцированно, с учетом всех обстоятельств, вызвавших совершение такого деяния; во-вторых, упрекать человека в совершении правонарушающего деяния не только с позиции норм уголовного закона.

Оценочная теория вины – это психологическая платформа оценки и учета степени вины как субъективного основания ответственности в зависимости от объективных и субъективных обстоятельств, побудивших лицо виновно совершить преступное деяние.

Да, наш отечественный правоприменитель не утруждает себя подобными размышлениями. Из всего многообразия мотивов, которыми движим человек, в том числе при совершении преступления, он ограничивается пятью-восемью (корысть, месть, ненависть, карьеризм, хулиганские побуждения). А еще есть страх, любовь, зависть, симпатия, желание помочь другу, любопытство, обида, гнев, отчаяние, скука, удовольствие, досада, азарт, тщеславие, стремление восстановить справедливость и др.

«Попытался бы наш следователь и судья сформулировать мотив, которым руководствовался Жан-Батист Гренуй из «Парфюмера» Патрика Зюскинда? Что им двигало: научный интерес, честолюбие («только я могу создать это вещество»), желание любви, стремление властвовать над людьми? Разберись в этой сложнейшей смеси побуждений, толкавших Гренуя на убийства девственных, юных, красивых девушек...» [6, с. 61].

Писал все это не ради совершенствования собственной души, а с целью защиты того понимания вины, которое уже достигнуто наукой уголовного права.

1. Шиенок В.П. Методологический анализ категория «вина» в современной юриспруденции // Очерки гуманистической методологии национальной юриспруденции : монография. 2-е изд., испр. и доп. Минск, 2017.
2. Грунтов И.О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве. Минск, 2012.
3. Таганцев Н.С. Русское уголовное право : в 2 т. Т. 1. Общая часть. Тула, 2001.
4. Честнов И.Л. Конструктивистская парадигма в юриспруденции // Правоведение. 2016. № 2.
5. Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права. М., 2013.
6. Кондрашова Т.В. Преступление и преступник в зеркале и под увеличительным стеклом драматургии и театра // Уголовные законоположения в изобразительном, ораторском искусстве, драматургии, классической литературе и кино : коллективн. моногр. по материалам XIII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. М.И. Ковалева (Екатеринбург, 10–12 февр. 2016 г.). Екатеринбург, 2016.